

Путь: Орган русской религиозной мысли

3. Март-Апрель 1926

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П90

П90 Путь: Орган русской религиозной мысли: 3. Март-Апрель 1926 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 154 с.

ISBN 978-5-458-23475-7

ISBN 978-5-458-23475-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

няка. «Бѣднякъ» и «деньги» для Л. Блу великіе символы. Существуетъ мистерія «денегъ», таинственное отдѣленіе ихъ отъ духа. Буржуазный міръ управляется «деньгами», отдѣленными отъ духа. Буржуазный духъ противоположенъ духу Абсолютнаго, онъ истребитель вѣчности. Буржуа можетъ быть и религіозенъ, и буржуазную религіозность Л. Блу ненавидитъ болѣе, чѣмъ атеизмъ. Какъ много буржуа — идолопоклонниковъ нашель онъ среди добрыхъ католиковъ! Господь Богъ очень декоративенъ въ лавкахъ. Л. Блу изслѣдуетъ типъ средняго буржуа. Но можно еще болѣе углубить проблему буржуазности. Буржуа можетъ являться въ болѣе ослѣпительной и возвышенной формѣ. Онъ возможенъ и на болѣе высокиихъ ступеняхъ духовной жизни. Тамъ останавливаетъ онъ духовное движеніе и самый духъ, природа котораго огненная, превращаетъ въ закаменѣлую форму.

* * *

Буржуа можетъ быть религіозенъ, онъ можетъ быть даже «праведникомъ». Но сказано: «если праведность ваша не превзойдетъ праведности книжниковъ и фарисеевъ, то вы не войдете въ Царство Небесное». Праведность буржуа никогда не превосходитъ праведности книжниковъ и фарисеевъ. Это буржуа любятъ «творить милостыню... въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди». Это буржуа «любятъ въ синагогахъ и на улицахъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться предъ людьми». Это буржуа любятъ судить и они первые бросаютъ камень въ грѣшницу. Это буржуа подошли къ Іисусу, когда ученики Его въ Субботу срѣзали колосья, и ѣли, и сказали: «вотъ, ученики Твои дѣлаютъ, чего не должно дѣлать въ Субботу». И получили отвѣтъ, опрокидывающій всякую буржуазность: «здѣсь Тотъ, кто болѣе Храма; еслибы вы знали, что значить: «милости хочу, а не жертвы», то не осудили бы невинныхъ; ибо Сынъ Человѣческой есть Господинъ и Субботы». «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для Субботы». Это буржуа говорятъ: «Пришелъ Сынъ Человѣческой, ѣсть и пить; и говорятъ: вотъ человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вина, другъ мытарямъ и грѣшникамъ». Буржуа не любитъ мытарей и грѣшниковъ, онъ предпочитаетъ фарисейскую праведность. Это буржуа думаетъ, что входящее въ уста оскверняетъ человѣка. И ему было отвѣчено: «Исходящее изъ устъ — изъ сердца исходитъ; сіе оскверняетъ человѣка». Это для буржуа сказалъ Іисусъ: «Истину говорю вамъ что мытари и блудницы, впереди васъ идутъ въ Царство Божіе». Имъ же сказалъ Іисусъ: «Ибо кто возвышаетъ себя, тотъ униженъ будетъ; а кто унижаетъ себя, тотъ возвысится. Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человѣкамъ; ибо сами не входите и хотящихъ войти не допускаете». И имъ же сказано: «Что больше: золото или храмъ, освящающій золото?» И когда буржуа сказали: «какъ это онъ ѣсть и пить съ мытарями и грѣшниками?» Іисусъ отвѣтилъ имъ: «Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные. Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ

къ покаянію». Буржуа противопоставлены евангельскія слова: «Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее. Ибо какая польза челоуѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душу свою повредитъ?» Буржуа хочетъ приобрести весь міръ. Это буржуа было сказано Иисусомъ: «Горе вамъ, что любите предсѣданіе въ синагогахъ и привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ». И всякая буржуазность этого міра отвергается Иисусомъ въ словахъ: «Итакъ не ищите, что вамъ ѣсть, или что пить, и не безпокойтесь, потому что всего этого ищутъ люди міра сего; вашъ же Отецъ знаетъ, что вы имѣете нужду въ томъ, наипаче ищите Царства Божія, и это все приложится вамъ». И обличаютъ душу буржуа слова Иисуса: «Вы высказываете себя праведниками передъ людьми, но Богъ знаетъ сердца ваши; ибо что высоко у людей, то мерзость передъ Богомъ.». И тѣмъ, кого избралъ Иисусъ, Онъ сказалъ: «если бы вы были отъ міра, то міръ любилъ бы свое; а какъ вы не отъ міра, то я избралъ васъ отъ міра, посему ненавижу васъ міръ». «Міръ» и есть духовная буржуазность. «Міръ» не есть Божье твореніе, Космосъ, который не могъ отрицать Сына Божія. «Міръ» есть порабощеніе и отяжелѣніе Божьяго творенія страстями и похотями. Буржуа и есть тотъ, кто любитъ «міръ». Вѣчное отверженіе самыхъ первоосновъ буржуазности прозвучало въ словахъ: «не любите міра, ни того, что въ мірѣ». Буржуазность и есть прикованность къ этому «міру», связанность съ нимъ, порабощенность имъ. Буржуазность и есть отверженіе той свободы духа, которая дается свободой отъ власти «міра», Буржуазность не принимаетъ тайны Голгофы, она отрицаетъ Крестъ. Буржуазное чувство жизни противоположно трагическому чувству жизни. Тотъ не буржуазенъ, кто переживаетъ трагедію. И въ подлинно трагическія минуты жизни всякій буржуа перестаетъ имъ быть.

Въ чемъ духовные корни буржуазности? Слишкомъ сильная вѣра въ этотъ видимый міръ и невѣріе въ иной, невидимый міръ. Буржуа пораженъ этимъ видимымъ міромъ вещей, потрясенъ имъ, соблазненъ имъ. Онъ не относится серіозно къ вѣрѣ въ иную дѣйствительность, въ духовное бытіе, онъ не довѣряетъ чужой вѣрѣ. Буржуа всегда говоритъ про себя: знаемъ мы васъ, всѣ вы такіе же, какъ и я, но не хотите въ этомъ признаться, притворяетесь, обманываете себя. Всѣ живутъ благами этого міра, всѣ подавлены внѣшней дѣйствительностью. И буржуа ставитъ себя выше другихъ, потому что онъ сознаетъ это и признаетъ въ этомъ. Буржуа — не символистъ, ему чуждо символическое міросозерцаніе, для котораго весь видимый и преходящій міръ есть лишь символъ иного, дѣйствительности невидимой. Буржуа — наивный реалистъ. И только наивно — реалистическое отношеніе къ міру онъ считаетъ серіознымъ. Онъ наивный реалистъ и въ томъ случаѣ, когда онъ «вѣрующій» и когда онъ принадлежитъ къ какому нибудь вѣроисповѣданію. Онъ можетъ быть даже ортодоксаленъ. Но онъ не связываетъ этой своей «вѣры» съ своимъ отношеніемъ къ міру и жизни, это отношеніе характеризуется подавленностью «міромъ», наивно-

реалистическимъ его воспріятіемъ. Буржуа, будь онъ внѣшне католикъ, православный или лютеранинъ, также отвергъ бы Христа, какъ отвергли его книжники и фарисеи, если бы Христось явился ему на его жизненномъ пути и ему самому пришлось бы свободно рѣшать, кто передъ нимъ. Буржуа не хотѣлъ признать ни одного святого при его жизни и онъ признавалъ святыхъ лишь долго спустя послѣ ихъ канонизаціи и ихъ всеобщаго признанія. Буржуазность и есть несвобода духа, подавленность духа внѣшнимъ затвердѣлымъ міромъ, зависимость отъ временнаго и тлѣннаго, неспособность прорваться къ вѣчному. Буржуа подавленъ тѣмъ, что можно нащупать, что входитъ въ него извнѣ. Онъ не можетъ жить безъ внѣшняго авторитета и авторитетъ прежде всего созданъ для него. Когда онъ свергаетъ одинъ авторитетъ, то немедленно же создаетъ другой и подчиняется ему. Онъ лишенъ горнїи духа, творческой активности духа. Онъ не вѣритъ въ духъ, потому что его духъ закостенѣлъ, задавленъ. Онъ не вѣрующій человекъ, потому что вѣра есть актъ свободы, творческая активность духа. Но у него есть своя «вѣра» и свое суевѣріе. Онъ не вѣритъ въ вѣчное, но вѣритъ во временное, онъ не вѣритъ въ силу Божью, но вѣритъ въ силу вещей этого видимаго міра до идолопоклонства.

* * *

Буржуа не всегда является въ образѣ матеріалиста, плѣннаго низменными благами жизни. Это — случай элементарный и наименѣе интересный. Есть возвышенный типъ буржуа, претендующій быть хранителемъ духовныхъ основъ жизни. Есть не менѣ возвышенный типъ буржуа, который хочетъ облагодѣтельствовать человечество, сдѣлать его счастливымъ, устроить для него землю. Есть буржуа консервативнаго и буржуа революціоннаго типа. Типъ фарисея и есть типъ религіозно возвышеннаго буржуа, охраняющаго духовныя основы жизни. Онъ навѣки изобличенъ въ Евангелїи. Буржуа часто бываетъ ханжой и съ устъ его не сходитъ имя Божье. И можно устами исповѣдывать матеріализмъ и въ глубинѣ сердца не быть буржуа. Когда буржуа «вѣрующій», онъ на самомъ дѣлѣ вѣритъ только въ силу этого міра, силу видимыхъ вещей и отъ нея ждетъ благъ жизни. Онъ не обличаетъ невидимыхъ вещей — затвердѣлость его сознанія, окостенѣлость его души не допускаетъ вхожденія этихъ міровъ. И «вѣрующій» буржуа нашей эпохи признаетъ изрѣченіе буржуазной мудрости, изслѣдованной Л. Блуа, — «Богъ не дѣлаетъ большаго чудеса». Богъ когда-то дѣлалъ чудеса — буржуа готовъ это признать, но это лишь способъ сказать, что чудеса невозможны и нелѣпы. Буржуа не любитъ чудеса, боится ихъ. Они могутъ опрокинуть всѣ его перспективы благоустроенной жизни. Буржуа живетъ на всемъ готовомъ, онъ ничего себѣ не прїобрѣтаетъ творческимъ горнїемъ духа. Вѣра буржуа не пробудила въ немъ высшей духовной энергіи, она оказалась нужна ему лишь для преуслѣянїя въ этомъ «мірѣ». Самый духъ вѣчности превращается лишь въ способъ завоеванія внѣшнихъ благъ жизни. Издревле

жреческая каста имѣла уклонъ къ буржуазности. Духъ нерѣдко окостенѣвалъ въ князьяхъ духовныхъ и они боялись всякаго движенія духовнаго, всякаго огня духовнаго. Они измѣняли своему вѣчному, священному іерархическому назначенію и подготавливали возстаніе противъ самого іерархическаго принципа.

Когда буржуа слишкомъ засидѣлся на своемъ мѣстѣ и не даетъ никому и ничему возможности двигаться, когда грозитъ оцѣпененіе жизни отъ его власти, тогда является буржуа другого типа, одержимый волей къ захвату высшихъ мѣстъ жизни, и говорить: «уйди съ этого мѣста, чтобы я на него сѣлъ». Этотъ буржуа — *parvenu* будетъ не лучше, онъ будетъ еще хуже, но въ медовый мѣсяцъ своихъ побѣдъ онъ будетъ имѣть видъ сорви-головы, столь непохожаго на образъ буржуа солиднаго и важнаго. Новый буржуа еще болѣе полюбитъ власть и могущество въ жизни, еще болѣе будетъ безпощаденъ къ слабымъ, вытѣсненнымъ изъ первыхъ рядовъ жизни, еще болѣе будетъ упоенъ своимъ величіемъ и значеніемъ, своимъ неожиданнымъ господствомъ. И чувство грѣха, ослаблявшее и ограничивавшее буржуазность въ старомъ типѣ буржуа, у новаго буржуа ослабнетъ и совсѣмъ исчезнетъ. Наша родина въ послѣдніе годы явила въ коммунизмъ этотъ типъ новаго буржуа-завоевателя, типъ жуткій своимъ безбожіемъ. Духъ буржуазности явилъ себя въ болѣе чистой, ничѣмъ не ограниченной и не ослабленной формѣ. Новый буржуа окончательно исповѣдуетъ религію земнаго могущества, земной власти, земнаго блаженства. Буржуа всегда хочетъ пробраться въ первые ряды жизни. Онъ любитъ «положеніе» въ жизни, имѣетъ вкусъ къ власти и могуществу. И когда онъ достигаетъ «положенія» въ первыхъ рядахъ жизни, дорывается до власти, нѣтъ предѣловъ его самодовольству и самоудовлетворенности. Самодовольство болѣе всего характерно для буржуа. Ослабленіе сознанія глубокаго трагизма жизни всегда сопровождаетъ жизненные его успѣхи. Упоенный собой и своимъ «положеніемъ» въ жизни, буржуа не можетъ возвыситься до мудрости Екклезіаста: «видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ все — суета и томленіе духа». Онъ обоготворяетъ суету, тлѣнь. Его дѣла представляются ему божественными. «Дѣла» затемняютъ для него цѣли жизни и смыслъ жизни. За «дѣлами» не видитъ буржуа человѣческаго лица, не видитъ природы, не видитъ неба и звѣздъ. Все замѣняется для него суетнымъ погруженіемъ въ свои «дѣла», въ свое великолѣпіе. Воля его поглощена исключительнымъ стремленіемъ къ организациі жизни. И онъ теряетъ способность радоваться жизни. Онъ организаторъ и дѣлецъ. Организациія жизни убиваетъ въ немъ органическую жизнь. Новый буржуа вытѣсняетъ стараго буржуа. Это вѣчная комедія исторіи. Вступившій на арену исторіи новый человѣкъ сначала дѣлаетъ видъ, что онъ низвергаетъ всякую буржуазность, и что царство его будетъ не буржуазное царство. Онъ — социалистъ и революционеръ. Но скоро, очень скоро выступаютъ черты вѣчнаго буржуа, одинаковаго во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ. Духовная буржуазность есть вѣчное начало, одно изъ мировыхъ началъ, являющееся все въ новомъ и

новомъ обличѣ. Духовная буржуазность не уменьшается, а возрастаетъ въ мірѣ, и на вершинахъ европейской и міровой цивилизаціи она обнаруживается въ наибольшей своей мощи. Богатый, который духовно поработенъ своимъ богатствомъ и поработаетъ другихъ, плѣнный «міромъ» — буржуа и ему труднѣе войти въ царство небесное, чѣмъ верблюду пройти черезъ игольное ушко. Но и бѣдный, который завидуетъ богатому и духовно поработенъ жадной стать на мѣсто богатаго и получить себѣ его богатство. — такой-же буржуа и ему такъ-же затруднено вхожденіе въ царство небесное. На этомъ разыгрывается вѣчная траги-комедія исторіи. Буржуазный духъ овладѣваетъ всякой соціальной группой или въ формѣ довольства своимъ «положеніемъ», и охраненія его во чтобы-то ни стало, или въ формѣ зависти къ ближнему, похоти довольнаго положенія и завоеванія его во чтобы-то ни стало. И исторія являетъ траги-комическое зрѣлище, какъ два буржуа вцѣпляются другъ въ друга и каждый думаетъ, что отстаиваетъ какой-то своеобразный міръ, противоположный міру своего врага. Но по истинѣ это одинъ и тотъ же міръ, одно и тоже вѣковѣчное начало. Буржуазность опредѣляется не экономическимъ положеніемъ человѣка, но духовнымъ отношеніемъ къ этому положенію. Поэтому въ каждомъ классѣ она можетъ быть и въ каждомъ классѣ она можетъ быть духовно преодолена. Съ уровнемъ буржуа считается исторія, когда создаетъ государство, право, хозяйство, обычай и нравы, идолъ научности. И въ этомъ нужно искать объясненія того, что въ движеніи исторіи есть какая-то безвыходность, что всѣ ея достиженія неудачливы.

* * *

Буржуа возможенъ во всѣхъ сферахъ духовной жизни. Можно быть буржуа въ религіи, въ наукѣ, въ морали и въ искусствѣ. О буржуа въ религіи уже сказано и образы его начертаны въ священныя книгахъ. Но во всѣхъ сферахъ духовной жизни онъ солиденъ и важенъ, онъ чувствуетъ свое превосходство и свое могущество или хочетъ достигнуть превосходства и могущества, завидуетъ чужому превосходству и могуществу. *Во всѣхъ сферахъ буржуа хочетъ казаться и безсилень быть.* Онъ живетъ не творческой онтологической силой своей личности, а кажущейся и призрачной силой той косной духовной среды, въ которой онъ занялъ «положеніе» или хочетъ его занять. Буржуа является и въ образѣ ученаго и академика, самодовольнаго, напыщеннаго и ограниченнаго. И достоинство научности и академичности приспособляется къ уровню буржуа. Въ этомъ своемъ образѣ онъ боится творческаго движенія мысли, свободы познающаго духа, ему невѣдома интуиція. Буржуа-моралистъ всѣхъ подавляетъ своею добродѣтелью, всѣхъ осуждаетъ. Онъ не любитъ грѣшниковъ и мытарей. Онъ хранитель морали окружающей его среды. Буржуа даже всегда немного моралистъ. Морализмъ буржуа можетъ проявиться въ разныхъ формахъ, отъ самыхъ охранительныхъ до самыхъ разрушительныхъ и революціон-

ныхъ. Буржуа — моралистъ можетъ требовать оокостенѣнія жизни и пресѣченія вольнаго движенія, и онъ же въ другомъ своемъ обличьи, можетъ требовать разрушенія всего космоса, истребленія всего наслѣдія исторіи. Онъ одинаково можетъ быть и крайнимъ консерваторомъ и крайнимъ революціонеромъ. И въ томъ и другомъ случаѣ онъ прикованъ къ внѣшнему міру и не знаетъ свободы духа. Морализмъ его безблагодатенъ, онъ исходитъ изъ внѣшняго, а не изъ внутренняго источника. Онъ не слышетъ музыки небесныхъ сферъ. Буржуа создаетъ адъ на землѣ, но онъ же является въ образѣ уготовляющаго грядущую гармонию, земной рай. Сама идея абсолютной рационализациі жизни, абсолютной соціальной гармоніи — буржуазная идея и противъ нея долженъ возстать человекъ изъ подполья, «джентельмэнъ съ ретроградной и насмѣшливой физиономіей». Строитель Вавилонской башни буржуа. Соціализмъ по духу своему буржуазенъ. Буржуазность есть отяжеленность «міромъ». И ей противоположна легкость, рождающаяся изъ духовной свободы. Слишкомъ напряженная воля къ жизни порождаетъ тяжесть, прикованность къ земнымъ осуществленіямъ и благамъ. Преодоленіе буржуазности и есть преодоленіе этой напряженной воли, обращенной къ «міру». Повсюду вноситъ буржуа свою напряженную, сковывающую волю — въ семью и государство, въ мораль и религію, въ науку и хозяйство. Отъ этой же воли онъ самъ цѣпенѣетъ и движеніе ея порождаетъ бездвижность: Ему чужды минуты освобождающаго созерцанія. И онъ же не сознаетъ глубокаго трагизма жизни, не принимаетъ трагедіи. Въ этомъ парадоксѣ жизни буржуа. Жизнь его отяжелѣла и омрачена тѣмъ, что онъ не принимаетъ внутренней трагедіи жизни, не принимаетъ Креста и Голговы. Есть что-то облегчающее и освобождающее въ принятіи на себя Креста, въ примиреніи съ трагизмомъ жизни. И то, что въ буржуа ослаблено чувство трагической вины и грѣха, направляетъ волю его къ призрачнымъ достиженіямъ «міра», поработаетъ «міру». Основная идея буржуа — достигнуть могущества и блага въ мірѣ, не принявъ тайны Голговы. Это — хилистическая идея буржуа. Буржуазность и есть ничто иное, какъ непринятіе Христа, какъ распятіе Христа. И распинать Христа могутъ и тѣ, которые исповѣдуютъ его устами.

* * *

Когда похоть жизни, похоть могущества, похоть наслажденія побѣждаетъ трагическое сознаніе вины и несоотвѣтствія между временнымъ и вѣчнымъ, священное недовольство «міромъ» и его благами, тогда широко разливается по лицу земли буржуазность, торжествуетъ типъ буржуа въ жизни. Въ цивилизациі XIX и XX вѣка эта похоть была движущимъ началомъ и потому эта цивилизациа буржуазна и остается буржуазной, какъ бы радикально она себя не реформировала. Никогда символическія культуры прошлаго, съ лежащими въ основѣ ихъ священными мѣрами, не были такъ буржуазны по духу своему, какъ прагматическая цивилизациа XIX

и XX вѣка, все расширяющаяся и возрастающая въ своемъ могуществѣ. Раньше буржуа былъ психологическимъ типомъ. Теперь буржуа сталъ социальнo преобладающимъ типомъ. Типъ буржуазной цивилизаціи, идущій на смѣну священной культурѣ, еще въ древнія времена пробивался къ жизни. И противъ него съ огненной силой возставали когда-то еще ветхозавѣтные пророки. «И наполнилась земля его серебромъ и золотомъ, и нѣтъ числа сокровищамъ его, и наполнилась земля его конями, и нѣтъ числа колесницамъ его». «Но, поникнуть гордые взгляды человѣка, и высокое людское унижится; и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день. Ибо грядеть день Господа Савоова на все гордое и высокомерное и на все превознесенное, — и оно будетъ унижено». «И падеть величіе человѣческое, и высокое людское унижится; и одинъ Господь будетъ высокъ въ тотъ день». О буржуазной цивилизаціи сказаны слова Іереміи: «Походите по улицамъ Іерусалима, и посмотрите и развѣдайте и поищите на площадяхъ его, не найдете ли человѣка, нѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истину? Я пощадилъ бы Іерусалимъ». Поклоненіе Ваалу и было возникновеніемъ буржуазной цивилизаціи, древнимъ прообразомъ всякой буржуазной цивилизаціи. Она всегда разрушаетъ священную культуру. «Такъ говоритъ Господь: Проклятъ человѣкъ, который надѣется на человѣка и плоть дѣлаетъ своей опорой, и котораго сердце удаляется отъ Господа». И о торжествѣ буржуазной цивилизаціи сказаны слова: «Вавилонъ былъ золотою чашею въ рукѣ Господа, охранявшаго всю землю; народы пили изъ нея вино и безумствовали». Въ Вавилонѣ была явлена первая въ исторіи буржуазная цивилизація, господствовавшая надъ всемъ Востокомъ. Тотъ же духъ возникающей буржуазной цивилизаціи огненно избличалъ Іезекиль, когда говорилъ: «Князья у нея какъ волки, похищающіе добычу; проливаютьъ кровь, губятъ душу, чтобы пріобрѣсти корысть... А въ народѣ угнетаютъ другъ друга, грабятъ и притѣсняютъ бѣднаго и нищаго, и пришельца угнетаютъ несправедливо». И «горе пастырямъ Израилевымъ, которые пасли себя самихъ!... Слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не нашли, а правили ими съ насиліемъ и жестокостью». Еще древнему пророческому сознанию открывались катастрофы, къ которымъ неотвратимо влечетъ торжество буржуазнаго духа. Такъ всегда будетъ. Буржуазная цивилизація возникаетъ въ нѣдрахъ развивающейся культуры. Тиль буржуа начинаетъ торжествовать въ жизни. Буржуазнымъ духомъ начинаютъ проникаться князья, пастыри и священнослужители. И тогда грозятъ катастрофы народамъ и ихъ культурамъ. Гнѣвъ Божій обрушивается на нихъ.

Но типъ буржуазной цивилизаціи никогда въ древности не торжествовалъ окончательно, обнаруживалась лишь тенденція къ нему. Лишь въ Европейской культурѣ, на вершинѣ новой исторіи окончательно раскрывается и торжествуетъ буржуазная цивилизація и буржуа является царемъ земли. Ростъ народонаселенія и ростъ потребностей ничѣмъ не ограничиваемыхъ, раскаленная похоть жизненнаго

могущества, воля къ царствованію въ этомъ мірѣ привели къ той побѣдѣ духовной буржуазности, которая въ былыя историческія эпохи лишь намѣчалась, лишь едва пробивалась. Въ прошломъ намѣчались лишь тенденции къ буржуазной цивилизації. Лишь конецъ новой исторіи являетъ собой буржуазную цивилизацію въ ея господствѣ и преобладаніи. И на нее должны быть распространены прозрѣнія пророковъ. Буржуазная цивилизація не можетъ быть вѣчной. Буржуа — истребитель вѣчности и потому онъ не наследуетъ вѣчности. Наступленіе катастрофы для европейской цивилизації давно предвидѣли чуткіе люди. Въ этихъ катастрофахъ новый революціонный буржуа попытается расширить и распространить по лицу земли торжество буржуазности, попытается сдѣлать его всеобщимъ и универсальнымъ, возведетъ его въ перлъ созданія. Но и этой послѣдней и казалось бы окончательной буржуазности не принадлежитъ вѣчность. Настанетъ часть, когда Господь Богъ скажетъ: «вотъ, Я самъ отыщу овецъ моихъ и осмотру ихъ!».

* * *

Духовная буржуазность можетъ быть побѣждена лишь духомъ, лишь творческимъ движеніемъ духа. Буржуазность не есть матеріальное, экономическое явленіе. Она можетъ проникать во всякую экономику. Промышленное развитіе само по себѣ еще не буржуазно. Противъ ложнаго, призрачнаго духа не можетъ быть никакихъ матеріальныхъ противоядій. Противоядіе можетъ быть лишь духовное. Это не значитъ, что безразлична матеріальная плоть общества и что она не можетъ быть буржуазна. Но буржуазная плоть общества всегда есть порожденіе буржуазнаго духа, ложнаго направленія воли. Буржуазная общественность есть неодухотворенная общественность. Въ основѣ всей буржуазности лежитъ ложное, призрачное и обманчивое ощущеніе жизни и бытія. Это ложное пониманіе жизни, призрачная похоть жизни порождаетъ ложное движеніе, «суету суеты». Это — такой же источникъ буржуазности, какъ и остановка, окостенѣніе, охлажденіе духа. Творческое горѣніе духа побѣждаетъ эту двойную буржуазность. Но творческое горѣніе духа не означаетъ распыленія потребностей и вожделеній, порождающаго развитіе ложной цивилизації. Оно ведетъ къ самоограниченію этихъ потребностей. Похоть жизни должна быть ослаблена, чтобы стало возможнымъ истинное преображеніе жизни. Тревога, безпокойства, все ускоряющееся движеніе, невозможность жить мгновениемъ вѣчности порождены этой ложной похотью. Эта неутолимая похоть превращаетъ жизнь человѣка въ адъ, ввергаетъ въ адскій огонь. Культуры прошлаго держались ограниченіемъ похоти жизни, похоти могущества, они останавливались на серединѣ и типъ буржуа въ нихъ былъ иной, чѣмъ новый типъ буржуа. Типъ буржуа въ яркомъ и предѣльномъ своемъ выраженіи — апокалиптическая фигура, апокалиптическій образъ, прообразъ грядущаго царства. Объ образѣ этомъ сказано въ священныхъ

книгахъ. Духу буржуазному противоположенъ духъ страннической. Христіане — странники въ этомъ мірѣ. Это внутреннее чувство странничества присуще христіанину въ отличіе отъ буржуа и оно возможно при какомъ угодно общественномъ положеніи, хотя бы самомъ высокомъ. Христіане Града своего не имѣютъ, Града грядущаго въискуютъ. И Градъ грядущій не можетъ быть Градомъ этого «міра». Буржуазный духъ побѣждаетъ каждый разъ, когда въ христіанскомъ мірѣ Градъ земной почитается за Градъ небесный и христіане перестаютъ себя чувствовать странниками въ этомъ мірѣ.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ.

ПРЕЕМНИКИ ВЛ. СОЛОВЬЕВА.

Изъ общей литературы, слѣдовавшей за Соловьевымъ, я возьму для рассмотрѣнія въ этой краткой статьѣ преимущественно сочиненія кн. Е. Трубецкого, П. Флоренскаго и С. Булгакова, такъ какъ каждый изъ нихъ далъ цѣлую систему христіанскаго міровоззрѣнія съ существенными дополненіями къ ученіямъ Соловьева или отклоненіями отъ нихъ. Остановлюсь прежде всего на трудахъ С. Н. и Е. Н. *Трубецкихъ*, которые были связаны съ Соловьевымъ долготѣною дружбою.

Кн. *С. Н. Трубецкой* (ум. въ 1905 г.) въ своихъ сочиненіяхъ «О природѣ чело-вѣческаго сознанія» и «Основаніе идеализма», изслѣдуя условія логичности знанія и достовѣрности независимой отъ насъ реальности, приходитъ къ ученію о *сверхчеловѣческомъ* характерѣ *сознанія*, понимая его, однако, не какъ безличное гносеологическое я, а какъ сверхличное, *соборное единство* Мировой Души (собр. соч. II т., стр. 16, 298). Въ связи съ этимъ онъ развиваетъ ученіе объ *универсальной чувственности*: пространство и время онъ считаетъ формами этой чувственности, а содержанія такія, какъ цвѣтъ, звукъ и т. п., независимыми отъ чело-вѣческаго индивидуальнаго сознанія (83). Точно также условіе логической связности знанія, онъ находитъ въ логикѣ, какъ *Всеобщемъ Разумѣ* (164). Знаніе о реальности, независимой отъ нашего я, не сводимой къ ощущенію и понятію, онъ, какъ и Соловьевъ, объясняетъ внутреннюю связью *всѣхъ существъ* и оригинально примѣняетъ это ученіе для оправданія вѣры въ *бессмертіе*. Установивъ сверхвременный характеръ идеальной стороны мысли, чувства и поведенія (сверхвременность смысла, истины и т. п.), онъ утверждаетъ, далѣе, что вмѣстѣ съ ростомъ духовной жизни личности въ ней растетъ также *не только знаніе о сверхвременности идеальныхъ отвѣченныхъ началъ*, но и вѣра въ личное, индивидуальное бессмертіе субъекта, *носителя этихъ началъ* (402). Объясняется это развитіемъ *интуиціи* (413), постигающей не отдѣльныя функціи, а *все нераздѣльное существо*, какъ *абсолютно цѣнную индивидуальность* съ идеальными признаками эстетическими и нравственными (402). Высшее обоснованіе получаетъ